

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ КУРДСКОМ ЯЗЫКЕ

Кандидат филол. наук М. У. ХАМОЯН

Значение фразеологии как отдельной языковой области не ограничивается ее особой функцией и назначением в системе языка. Очень важную роль она играет и в обогащении лексического состава языка, как, впрочем, и самой фразеологии, новыми единицами самых различных структурных и функциональных типов.

В современном курдском языке прослеживается ряд способов словообразования, среди которых большей или меньшей продуктивностью отличаются: образование слов на основе наличной лексики или словооснов и аффиксов в строгом соответствии с существующими словообразовательными моделями; образование слов путем лексикализации свободных словосочетаний; переход слов из одной части речи в другую; образование слов на лексико-семантическом уровне, в результате чего возникают слова-омонимы; лексикализация отдельных морфологических форм слов; образование слов на фонетическом уровне — на основе звуков, в результате чего возникают звукоподражательные слова, так или иначе отражающие соответствующие явления, и т. д. Разные по объему описания некоторых из этих способов (главным образом словосложения и аффиксации) содержатся в существующих работах по грамматике и словообразованию курдского языка. Остальные же пути словообразования, например контекстуальная лексикализация свободных словосочетаний, образование слов лексико-семантическим способом и т. д., оказались вне поля зрения исследователей. До сих пор не исследована и фразеологическая деривация — образование слов на базе фразеологии, а слова, возникшие путем преобразования фразеологических единиц, пока лишь отчасти инвентаризованы в словарях. Отсутствие исследований фразеологической деривации, как и деривации от свободных словосочетаний, не могло не отразиться на освещении всего механизма словообразования, а также на понимании тесных взаимоотношений между фразеологией и лексикой. Оно не способствовало выяснению взаимодействия разных путей словообразования, а также вопросов, связанных со становлением словообразовательных моделей в системе языка.

Фразеологическая деривация в курдском языке отличается **высокой** продуктивностью. Она играет важную роль в расширении лексической системы языка, в создании неограниченных возможностей разностороннего становления его лексического состава. Слова, образованные от фразеологизмов, занимают значительное место в основном словарном

фонде языка. Большинство из них параллельно функционирует с соответствующими производящими фразеологизмами и мотивируется ими. Напр.: дэсттэнг („бедный“, „не имеющий денег“) и фразеологизм дэсте фьланк'эсе тэнгэ („кто-либо бедный, совсем не имеет денег“, букв. рука чья-то тесная/пустая) или сэрсал („новый год“) и фразеологизм сэре сале („новый год“, букв. голова года) или же дьл'кэтын („любовь“, „влюбленность“) и оборот дьле фьланк'эсе к'этэ беванк'эсе („кто-либо влюбился в кого-либо“, букв. чье-то сердце вошло (упало) в кого-либо). Остальные же слова не обнаруживают производящих их фразеологизмов, и их мотивировка сопряжена с большими трудностями. Таковы, напр., слова к'омрэш (в значении „ревнивый“), или ч'э'врэш (в значении «завистливый»), буквализация которых не содержит указания на их внутреннюю форму, а сами словосочетания к'оме фьланк'эсе рэшэ и ч'э'ве фьланк'эсе рэшэ не воспринимаются как устойчивые и реализуются в современном языке только в буквальном значении «чей-то головной убор черный», «чей-то глаз черный». Производные от фразеологизмов слова имеют широкое употребление в разговорной и литературной речи, в большом количестве встречаются в памятниках народного творчества. Как увидим дальше, они в свою очередь служат базой для образования самых различных по характеру лексических единиц и устойчивых или переменнo-устойчивых словосочетаний.

В связи с необходимостью освещения фразеологической деривации возникает ряд вопросов. Каковы причины и способы образования слов от фразеологизмов? Какие фразеологизмы допускают деривацию? Какова специфика фразеологической деривации как особого вида словообразования?

Анализ состава слов, возникших на базе фразеологии, показывает, что в основе их становления лежат разные причины, кроме того, они отличаются друг от друга разными способами образования, в разной мере способны к дальнейшему словообразованию. Деривация, обнаруживаемая у фразеологических единиц, не есть явление сугубо фразеологического характера, так как она свойственна и синтаксическим единицам. Поэтому правомерно говорить о ней как о более общем явлении, присущем внутренне раздельнооформленным структурам вообще. В этом плане важным представляется тот факт, что, как правило, деривацию допускают фразеологические и синтаксические единицы одних и тех же структур, и результаты деривации в обоих случаях достигаются одними и теми же способами, в одних и тех же целях. Ср., напр., зьмане фьланк'эсе дьрежэ („у того-то язык развязан, язык без костей, кто-либо болтлив») с переменным предложением той же синтаксической модели дьране фьланк'эсе тужьн („у того-то острые зубы“) и их дериваты — имена прилагательные: зьмандьреж («болтливый») и дьрантуж («острозубый, имеющий острые зубы»).

В то же время синтаксические единицы одних моделей и аналогичные им по структуре фразеологические единицы не допускают дерива-

ции. Отличие между фразеологической деривацией и деривацией синтаксической фактически сводится лишь к тому, что в одном случае слово образуется на основе сцепления лексем, а в другом случае — на основе сцепления реальных слов. Таким образом, фразеологическая деривация представляет собой своеобразное распространение синтаксической деривации. Преобразование фразеологизмов в слова, происходящее по аналогии с преобразованием переменных словосочетаний в слова, служит ярким примером того, что фразеология не только широко использует материальные ресурсы синтаксической системы языка, но и заимствует из нее ряд явлений и процессов, обычно воспринимаемых как факты сугубо синтаксического характера.

Причина преобразования фразеологизмов в слова, за отдельными исключениями, обусловлена необходимостью в наименовании обозначаемых ими отрезков действительности, а способы образования слов от них — характером их структурной организации. По отношению к соответствующим производящим фразеологическим единицам производные слова обычно выступают или как аббревиатуры, или как омонимы, или же как сложения и сращения. Эти четыре разновидности слов, отличающиеся друг от друга объемом и различными степенями продуктивности, обнаруживают разные способы словообразования.

Среди них наибольшей продуктивностью отличается группа слов, реализующихся в виде сложений, образованных лексико-синтаксическим способом. Своеобразие этого способа заключается в том, что на базе устойчивых словосочетаний путем слияния их компонентов формируется сложное слово в виде целостной лексической единицы. Эта группа содержит подавляющее большинство фразеологических дериватов, употребляющихся в современном языке. Ими являются, например, сәрибрьн («наедение, наедливость, докука, надоедливые разговоры»), дэстгьртн («обручение, обручать»), бәхтрәш («несчастный, каверзный»), бәрхвәкәтн («переживание, страдание»), образованные в результате словосложения на базе устойчивых словосочетаний сәре фьланкәсе бьрн («утруждать кого-либо, докучать, надоедать кому-либо»), дәсте фьланкәсе гьртн («обручать кого-либо»), бәхте фьланкәсе рәшнә («кто-либо несчастный; каверзный»), бәр хвә кәтн («переживать, страдать»).

Остальные способы обычно имеют ограниченное применение. Лексико-семантический способ, например, имеет место в случаях образования слов на основе компаративных фразеологизмов. Группа этого рода слов, которые выступают омонимами по отношению к соответствующим компаративным оборотам, является малочисленной и представлена такими словами, как руьн («хитрый, лукавый»), мар (мә'р «коварный», «коварно»), бочкә («толстый», «толстяк»). Первое из них возникло на основе оборота ми́на ру́вийа («очень хитрый, лукавый», букв. как лиса), второе — на основе оборота ми́на ма́ра («коварно», «коварный», букв.

как змея), а третье — на основе оборота мина бочка («очень толстый», букв. как бочка).

Аббревиация же представляет собой новый способ словообразования. В литературный курдский язык она проникла из русского и армянского языков за годы развития курдской письменности. Этот способ не отличается особой продуктивностью. В настоящее время слов-аббревиатур около шестидесяти. Аббревиатуры образуются на основе номинативных устойчивых словосочетаний и реализуются в виде сложения начальных букв (звуков) или начальных слогов компонентов или же в виде сцепления «начальный слог одного компонента+компонент», напр.: комнэ́нн («райком») от комитеа нэ́йи́е («районный комитет»), Т'РСС («СССР») от Т'ьфаа Республикэд Советиейэ Сосиалистие («Союз Советских социалистических республик»).

Сравнительно редко встречаются также слова, возникающие в результате сращения, своеобразие которого состоит во взаимодействии словосложения и суффиксации. Таковыми являются, например: бэрдэвк («тот, кто постоянно назойливо прислушивается к кому-либо; подслушивает кого-либо»), бэрпозк («противник, соперник, тот, кто возражает, прекословит кому-либо»), сэрдьлк («любимец»). Базой для образования этих примеров послужили фразеологизмы: бэр дэве фк-е сэкьнинэ («постоянно, назойливо прислушиваются к кому-либо, подслушивают кого-либо»), бэр позе фьланкэ́се сэкьнинэ («возражают, прекословят кому-либо»), сэр дьле хвэ хандькьн («любят, обожают того-то»). По способу образования дериваты таких фразеологизмов резко противопоставлены дериватам компаративных фразеологизмов, обнаруживающим лексико-семантический способ словообразования.

Фразеологизмы остальных структурных типов, в первую очередь обороты, имеющие структуру предложения, а также фразеологизмы модели «дополнение+предикат», которые соотносятся со сказуемым предложения, преобразуются в слово способом словосложения. Этим же способом, хотя и очень редко, слова образуются от фразеологизмов, имеющих структуру парного словосочетания, а также от повторов и оборотов со вторым компонентом — словом-рифмой и от некоторых составных названий, имеющих двучленную изафетную конструкцию (типа нане щущьке «подорожник» и нанщущьк с тем же значением). Наличие таких редких слов, однако, не препятствует тому, чтобы констатировать строгую зависимость выбора способов образования дериватов от характера структурного типа соответствующих производящих фразеологизмов.

Фразеологизмы, обнаруживающие способность преобразовываться в слово посредством соответствующего способа, обычно мотивируются, воспринимаясь в качестве своего рода живых организмов системы языка, в которых не перестали действовать внутренние процессы, не угасла живость связей и отношений между составляющими их элементами. Будучи неоспоримыми констатациями соответствующих отрезков

действительности, они подлежат возможным изменениям в ту или иную сторону в связи с продолжением процесса познания этих отрезков действительности. Отметим, что в тех случаях, когда отрезок действительности имеет свое наименование в виде слова, тогда описывающая его констатация в виде фразеологизма возникает в стилистических целях и определяется экспрессивно-эмоциональной направленностью. Но когда отрезок действительности не имеет своего наименования, познан впервые, то констатация, описательно устанавливающая его наличие и тем самым выступающая в качестве его некоторого обозначения, вполне реально претендует на право быть воспринятой как его название (наименование). Такими констатациями служат, в частности, составные названия и термины, возникшие естественным путем, а по их аналогии и искусственные составные названия и термины (типа *Партія к'ёрд-станейя демократи* „Демократическая партия Курдистана“).

Будучи единицами, возникшими как описательные констатации — обозначения тех или иных отрезков действительности, фразеологизмы, однако, пусть в разной степени, потенциально или реально, проявляют особое внутреннее тяготение к преобразованию и превращению в дальнейшем в целостную, слитную единицу (слово), в название соответствующего отрезка действительности. Однажды познанный и получивший языковое обозначение отрезок действительности благодаря этому приобретает свое наименование. В связи с этим во всех тех случаях, когда на основе устойчивого словосочетания возникает слово, последнее восполняет определенное свободное место в понятийной системе языка, выступая в качестве носителя единицы мысли, имеющей экстралингвистическую обусловленность. Производящие устойчивые словосочетания и производные от них слова оказываются единицами, вызванными к жизни потребностями разных участков семантической системы языка: первые выполняют роль обозначения данных отрезков действительности, а последние, т. е. слова — роль их названия. Следует, однако, отметить, что не все слова, образованные от устойчивых словосочетаний, имеют экстралингвистическую основу. Незначительное количество слов-аббревиатур, например, обнаруживает чисто лингвистические причины становления. Аббревиатуры вызываются к жизни необходимостью в реализации устойчивых словосочетаний в виде слитных звуковых комплексов.

Из фразеологических единиц современного курдского языка, соотносящихся с разными частями речи, деривацию допускают в основном только субстантивные, адъективные и глагольные обороты. Вместе с тем не всякий фразеологизм, относящийся к этим разрядам, может преобразоваться в слово. Деривации не допускают, напр., глагольные обороты, имеющие модели: а) „глагол + имя“: *к'этьн т'эльке* („попадать впросак, попадаться на удочку“), *чун дьлованийя хвэде* („умереть“), *кьрын итот* („позорить“), *бун итот* („позориться“); б) „предлог + имя + глагол“: *бэр лемьште чун* („разоряться, потерять свое

имущество»), сэр йьсәйьса Кэтын («догадаться, узнать»), жь зин Кэтын («лишаться должности, авторитета»), нав салан Кэтын («стареть»); в) «предлог+глагол+имя»: ле хатын рәме («сжалиться над кем»), ле Кэтын шыке («подозревать кого, что в чем»), ле хатын чьфта («наложить опалу на кого; притеснять кого»). Кроме того, не преобразуются или очень редко преобразуются в слово глагольные фразеологизмы, употребляющиеся только в сослагательном и повелительном наклонениях, а также фразеологизмы сочинительной структуры и оргиннальные номинативные обороты, имеющие изафетную конструкцию. Мало способны к словообразованию фразеологизмы компаративной структуры.

Возможность образования слов от фразеологизмов, допускающих деривацию, обычно зависит от количества составляющих их компонентов. Деривация допускается, если фразеологизмы (за исключением тех, которые подвергаются аббревиации) состоят из двух или реже из трех компонентов и если это преобразование является необходимым и нет обстоятельств, препятствующих ему. При этом трехкомпонентные обороты преобразуются в слово, по-видимому, в том случае, если образующие их компоненты двусложны. Что касается оборотов с трехсложными компонентами и оборотов, состоящих из четырех, пяти и более компонентов, то слов, образованных от них, не обнаружено. Таким образом, фразеология служит базой для обогащения словарного состава языка в части своих двухкомпонентных или реже трехкомпонентных оборотов, представленных тремя отмеченными выше лексико(фразео)-грамматическими разрядами. При этом, как дальше увидим, от субстантивных оборотов образуются имена существительные, от адъективных оборотов—имена прилагательные, а от глагольных оборотов—имена действия, а также слова, способные характеризоваться как имена деятеля или названия каких-либо его признаков. Дериваты каждой из этих трех разновидностей способны к дальнейшему словообразованию.

А. *Глагольные фразеологические единицы*, допускающие деривацию, в основном представлены следующими структурными типами.

1. Фразеологизмы модели предложения: «именной компонент в роли формального подлежащего+предикативный компонент—непереходный глагол в роли формального сказуемого в изъявительном наклонении». На базе оборотов этого структурного типа образуются слова—имена существительные в традиционной форме имени действия, а также слова, способные одновременно характеризоваться и как имена деятеля. Например, оборот ошаха фк-е кор бу («кто-либо оказался в бедственном положении, кого-либо постигло несчастье») образует слова ошахкорбун («беда, бедствие, несчастье») и ошахкор («несчастный, потерявший семью, близких; разорившийся»); от последнего в дальнейшем с помощью суффикса и или аи образовалось абстрактное имя существительное ошахкори/ошахкорай («бедствие, беда, несчастье»). Аналогичную картину представляют обороты: мала фьланкәсе храб

бу («кого-либо постигло несчастье»), мала фьланк'эсе ава бу (иронически употребляется в противоположном смысле: «кто-либо оказался в неудобном, трудном положении»), от которых образованы слова малх'раббун («беда, бедствие»), малавабун (в том же смысле, но иронически) и имена деятеля—прилагательные малава («добродетельный, добрый»), малх'раб («бедный; несчастный»), также образующие абстрактные имена существительные малаваи, малх'раби.

В случаях, когда глагольный компонент таких фразеологизмов представлен несложноименным непреходным глаголом, образующиеся от них имена деятеля—прилагательные имеют форму причастия прошедшего времени. Например, от оборотов д'ле фьланк'эсе к'этэ беванк'эсе («кто-либо влюбился в кого-либо»), д'эсте фьланк'эсе ле нас'к'нэ («тот-то ворует»), наве фьланк'эсе д'арк'эт («тот-то стал известным»), п'шта фьланк'эсе шк'эст («кто-либо лишился близкого» — брата, отца и т. п.), кроме имен существительных д'лк'этын («любовь, влюбленность»), д'стлен'эс'к'нин («воровство, страсть к воровству»), навд'арк'этын («слава, известность»), д'анг'этын («лишение (потеря) голоса»), п'штк'эсын («беда, несчастье»), образованы также слова д'лк'эти («любовник, возлюбленный, -ая»), д'стлен'эс'к'ни («ворующий, вор»), навд'арк'эти («известный, опозоренный»), п'штк'эсти («лишившийся близких»).

2. Фразеологические единицы модели «предлог+местоимение в роли косвенного дополнения+глагол» могут контекстуально преобразовываться в имя существительное: б'р х'ра чун («кичиться, хвастаться, горделиво превозноситься») и б'рх'рачун («кичливость»), б'р х'о дан («терпеть») и б'рх'одан («терпение»), с'р х'ра авит'ын («не иметь стыда в глазах, вести аморальную жизнь») и с'рх'раавиг'ын («бесстыдство, аморальность») и т. п. В результате большой частотности образования в контексте одни из этих слов приобрели константность и прочно вошли в словарный состав языка, хотя пока лишь частично инвентаризованы в словарях. В качестве таковых можно привести: б'рх'в'к'этын («переживание»), образованное от оборота б'р х'в'э к'этын («переживать»), б'рх'одан («терпение») от оборота б'р х'о дан («терпеть»). Важной особенностью фразеологических оборотов данной модели является то, что они могут образовывать также причастия прошедшего времени, реализующиеся, однако, в основном контекстуально: б'рх'в'к'эти («переживавший»), с'рх'в'р'авити («бесстыдный, бесстыжий»), б'рх'в'эдайи («имевший терпение»).

3. Фразеологические единицы модели «прямой объект, выраженный изафетным словосочетанием+переходный глагол в роли сказуемого» обычно контекстуально преобразуются в имена существительные в структуре имени действия или, реже, в глаголы. При этом определение изафетной конструкции, как правило, выпадает: ср. а'в'л'ондак'ь-рын («потеря ума») и а'в'ле х'в'э онда к'ь-рын («терять рассудок»), а'в'л'г'ьрт'ын («умнеть», «приобретение ума») и а'в'ле х'в'э г'ьрт'ын («умнеть»), с'р'иондак'ь-рын («заблуждение») и с'ре х'в'э ондак'ь-рын («терять

голову»). От некоторых фразеологических единиц этой модели образованы имена прилагательные (типа ақьлѡнда «потерявший ум» от ақьле хвѡ онда кьрьн) и причастия прошедшего времени в адъективном значении (ақьлгьрти «поумневший», ср. ақьле хвѡ гьртьн).

4. Двухкомпонентные глагольные обороты модели «имя существительное в роли прямого объекта + переходный глагол в роли сказуемого» образуют имя действия, напр.: дѣстгьртьн («обручение», от фразеологического оборота дѣсте фьланкѣсе гьртьн «обручили того-то»), шѣфадайин («причинение беспокойства»), от оборота шѣфа дан фьланкѣсе («обеспокоили того-то») или һѡвахьлдан («воспаление», от оборота һѡва һьлдан «воспалиться»).

В случаях, когда именной компонент таких оборотов употребляется исключительно или преимущественно в форме косвенного падежа единственного числа и является односложным, то образующиеся от них имена действия сравнительно быстро приспосабливаются к нормам спряжения глагола. Но если этот компонент состоит из двух и более слогов и/или употребляется в форме косвенного падежа множественного числа, то имя действия, возникшее на их базе, обычно остается на уровне имени существительного женского рода. Напр.: глагол сондхарьн («клясться, давать клятву») от оборота сонд харьн («клялись, дали клятву») и имя существительное гѣфхарьн («угроза, запугивание, обещание причинить кому-нибудь зло») от оборота гѣфа дьхѡн («угрожают») или глагол рустѣндын («разбаловаться, расшалиться») от оборота ру дьстиньн («шалят, балуются») и һѡвахьлдан («воспаление») от һѡве һьлтиньн («воспалиться»).

5. Глагольные обороты модели «прямой объект + вставочный компонент + глагол» служат базой контекстуального образования соответствующих имен существительных. Так, от оборотов типа к'ина фьланкѣсе гьртьн («ненавидеть кого-либо»), сѣре фьланкѣсе бьрьн («надоедать кому-либо, изнурять кого-либо»), к'ока фьланкѣсе анин («уничтожать кого-либо») образуются имена существительные женского рода к'ингьртьн («ненависть, испытывание чувства ненависти»), сѣрибьрьн («надоедание»), к'оканин («уничтожение»). Среди производных слов этого типа нередко встречаются такие, которые благодаря повышенной частотности образования-употребления воспринимаются ныне как уже готовые единицы, могущие спрягаться подобно глаголам. Таким дериватом является, например, слово дѣстгьртьн («обручение, обручать») возникшее на базе фразеологической единицы дѣсте фьланкѣсе гьртьн («обручили того-то»), а также слово сѣркежьрьн («отрезать, отрубить, обезглавливать, отсечение головы, обезглавление, резня»), образованное от оборота сѣре фьланкѣсе жежьрьн («отрубили чью-то голову, обезглавили того-то»).

Б. *Адъективные фразеологические единицы* образуются в курдском языке в процессе речи: в позиции парафразы к какому-либо слову или словосочетанию как объекту ситуации, в позиции определяемого в

изафетных конструкциях и в позиции именной части составного сказуемого. В первом случае фразеологизм образуется в качестве описательного обозначения понятия, закрепленного за данным словом или словосочетанием, во втором случае он возникает в виде описательной констатации какого-либо признака определяемого данного изафетного словосочетания, наконец, в третьем случае — как характеризующая констатация какого-либо признака подлежащего предложения. Во всех трех случаях констатация признака, выступающая в качестве некоторого обозначения, с момента становления в качестве самостоятельной единицы языка претендует на право быть его названием. Однако таковой она становится лишь после преобразования в слово (способом словосложения) или же путем передачи своего значения своему стержневому компоненту (лексико-семантическим способом), выступающему в роли своеобразного омонима по отношению ко всему комплексу. Как в том, так и в другом случае производное слово образуется в качестве названия признака, обозначаемого производящим фразеологизмом.

Адъективные фразеологические единицы, допускающие деривацию, являются оборотами модели «имя существительное в роли формального субъекта + вставочный компонент + именное составное сказуемое». Эта модель обнаруживает три основных типа лексического наполнения, обуславливающих соответствующие разновидности дериватов.

1. Одна из этих разновидностей представлена дериватами типа: хвэйпъшт («имеющий спину, имеющий покровителя, защитника»), хвэйхират («имеющий честь, честный, честолюбивый»), хвэйщэгэр («мужественный, смелый, бесстрашный»). Особенностью оборотов, образующих подобные прилагательные, является то, что в них в качестве именной части составного сказуемого используется һэ — основа настоящего времени глагола һэйин («быть, иметься»), которая при деривации заменяется полупрефиксом хвэй («владеющий, имеющий»). Так, обороты, от которых образованы приведенные выше дериваты, выглядят следующим образом: пъшта фьланкэсе һэйэ («тот-то защищенный, у того-то есть спина»), хирэта фьланкэсе һэйэ («тот-то имеет честь, честный»), щэгэра фьланкэсе һэйэ («тот-то смелый, храбрый»).

По словообразовательной модели «хвэй + имя» слова-прилагательные образуются и на синтаксическом уровне, т. е. на базе свободных предложений той же модели, по которой образованы приведенные выше устойчивые словосочетания. Напр.: баве фк-е һэйэ («у того-то есть отец»), ср. производное слово хвэйбав («имеющий отца»); мала фк-е һэйэ («у того-то есть дом»), ср. хвэй мал («имеющий дом»). Большинство синтаксических дериватов этого типа носит контекстуальный характер, но по мере повышения степени их употребляемости они могут приобрести свойства постоянной лексической единицы и войти в словарный состав языка. Таковыми единицами ныне являются, например: хвэйп'ешэ («имеющий занятие, специальность»), хвэйһэвал («имеющий друзей»), хвэйКом («имеющий близких родственников, родню»).

2. Следующую разновидность дериватов представляют каритивные прилагательные типа бешэгэр („несмелый“), беду („не имеющий семьи, дома“), бепышт („слабый, беззащитный“), бехирэт („нечестно-любовый“), беп'эргал („неорганизованный“). Своеобразие оборотов, производящих прилагательные этого типа, заключается в том, что в них именное составное сказуемое выражено отрицательной словоформой т'өнэ („нет, не имеется“), которая при преобразовании оборотов в слово заменяется каритивным полупрефиксом бе („без, не имеющий, лишенный“). Производные дериваты этой разновидности обычно выступают как антонимы дериватов указанной выше разновидности, ср. хвэйду и беду или хвэйхирэт и бехирэт (переводы даны в яше).

3. Третья разновидность дериватов, образованных адъективными оборотами, в которых именная часть составного сказуемого выражена именем прилагательным, представлена словами типа аqьлсьвк („легкомысленный“), от аqьле фк-е сьвкэ („кто-либо легкомысленный“), бэхтрэш („каверзный“, от бэхте фьланк'эсе рэшэ „кто-либо каверзный“), п'арсухар („неверный, совершающий измену“, от п'арсуйа фьланк'эсе харэ „кто-либо неверный, совершающий измену“), сэр'һышк („тупой, бестолковый; непослушный“, от сэре фк-е һыцкэ „кто-либо непослушный; кто-либо бестолковый“). Характерно, что переменные предложения этой модели также могут способом словосложения образовывать имена прилагательные аналогичного типа, например: бэжна фьланк'эсе бьльндэ („кто-либо имеет высокий рост“) и бэжн-бльнд („высокорослый“), бэжна фьланк'эсе к'ортэ („кто-либо имеет низкий рост“) и бэжнк'орт („низкорослый“), ч'э'ве фьланк'эсе рэшын („глаза у того-то черные“) и ч'э'врэш („черноглазый“).

Одна и та же модель, лежащая в основе образования устойчивых и свободных словосочетаний, как видим, обуславливает не только наличие у них одной и той же структуры и одних и тех же норм лексического наполнения, но и предопределяет одинаковые возможности и способы образования слов от них. Слова, возникшие на базе таких структур, имеют тождественную лексико-грамматическую характеристику и в равной мере могут в дальнейшем служить словообразовательной базой. От них, в частности, с помощью суффиксов и, ти/ати образуются абстрактные имена существительные типа: бэжнбльнди („иметь высокий рост“, от бэжнбльнд „имеющий высокий рост“), аqьлсьвкки или аqьлсьвкати („легкомыслие, безумие“, от аqьлсьвк „легкомысленный“), д'орутн („двуличие, двуличность“, от д'ору „двуличный, двуличный“), дьлт'эмзи („искренность, чистосердечие, чистосердечность“, от дьлт'эмз „чистосердечный, искренний“, образованного на базе фразеологизма дьле фк-е т'эмзэ „кто-либо чистосердечный, чье-то сердце чистое“).

Адъективные фразеологизмы обычно передают своим дериватам свойственную им переносность и образно-экспрессивную окраску. В свя-

зи с этим такие дериваты резко отграничиваются от синтаксических дериватов, которые лишены переносности, образности и экспрессивности, поскольку производящие свободные предложения выступают как сцепления слов в их прямых значениях. Ср. *дълт'амъз* (от *дъле* *фьланк'эсе т'амъзэ*) и *бэжнбъльд* (от *бэжна* *фьланк'эсе бъльдэ*) или *ч'э'врэш* в значении „завистливый“ (от фразеологизма *ч'э'ве* *фьланк'эсе рэшън*, который в современном языке отсутствует и поэтому производное от него слово не мотивируется) и *ч'э'вреш* в значении „черноглазый“ (от свободного предложения *ч'э'ве* *фьланк'эсе рэшън*. Отличия между фразеологическими и синтаксическими дериватами, кроме того, отражаются в абстрактных именах существительных, образованных на их базе и мотивируемых ими. Напр.: *п'арсухари* («измена») от фразеологизма *п'арсуя* *фьланк'эсе харэ* (перевод дан выше, букв. перевод: тот-то имеет кривые ребра) и *п'ор'дърежи* («удлинение волос», от *п'ор'дъреж* «длинноволосый» — деривата свободного предложения *п'оре* *фьланк'эсе дърежън* «чья-то волосы длинные»).

Абстрактные имена существительные, образующиеся на фразеологическом и синтаксическом уровнях, в свою очередь, принимают участие в построении устойчивых и переменно-устойчивых глагольных словосочетаний модели „прямой объект+глагол“ типа: *ч'э'внэ баһари кърън* („завидовать“), *к'омрэши кърън* („ревновать“), на основе которых могут образовываться более сложные лексические единицы типа: *ч'э'внэбаһарикърън* (испытывание чувства зависти“), *к'омрэшикърън* („испытывание чувства ревности“).

Путь, прослеживаемый на материале перечисленных случаев словообразования, таков: от фразеологизма к слову-прилагательному, от последнего к абстрактному существительному, далее, от абстрактного существительного к глагольному устойчивому словосочетанию и, наконец, от последнего к сложному существительному: *сэре* *фьланк'эсе һышкэ* → *сэрһышк* → *сэрһышки* → *сэрһышки кърън* → *сэрһышкикърън* („проявление глупости, совершение глупости, глупость“).

В. Субстантивные устойчивые обороты, допускающие деривацию, реализуются в изафетной или парной конструкциях. Производные от них слова обычно возникают в виде аббревиатур, о которых речь шла выше. Лишь незначительная часть субстантивных дериватов обнаруживает способ словосложения: *нанцушък* (от оборота *нане шушъке*), *сэрп'е* (в значении „похлебка из головы и ножек“), образованное от парного словосочетания *сэр у п'е/сэр-пе* („конечности, голова и ноги“). От этого же парного словосочетания образовано слово *сэрп'е* в значении «одежда, все то, чем покрывают, защищают голову и ноги».

**ԴԱՐՁՎԱԾԱԲԱՆԱԿԱՆ ԴԵՐԻՎԱՅԻԱՆ
ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ՔՐԴԵՐԵՆ ԼԵՁՎՈՒՄ**

Բաճախիչ. գիտ. թեկնածու Մ. Հ. ԽԱՄՈՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Քրդերեն լեզվի դարձվածաբանական կազմի նշանակությունը չի սահմանափակվում լեզվի համակարգում նրա ուրույն ֆունկցիայով ու նշանակմամբ. նա առանձնահատուկ գեր ունի նաև տարբեր ենթահամակարգերի զարգացման, այդ թվում բառային կազմի հարստացման գործում: Հոգվածում բացահայտվում են քրդերենի դարձվածաբանական դերիվացիայի դրսևորման ձևերն ու միջոցները, ինչպես նաև այդ երևույթով սլայմանավորված օրինաչափություններն ու նրանց կիրառման շրջանակները: